

УДК 947.083

МЕСТО ДРЕВНЕРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ В XIII – НАЧАЛЕ XIV В. ПО ДАННЫМ ВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

© 2008 А.С.Фогель

Самарский государственный экономический университет

В статье рассмотрены политические и идеологические взаимоотношения древнерусских земель и Монгольской империи в XIII – начале XIV в. по данным арабских и персидских авторов.

Эпоха монгольских завоеваний, охватившая большую часть известных тогда стран и народов, начинается с 1206 г., когда курултай провозгласил Темуджина Чингисханом, повелителем мира. С этого времени начинаются изменения, которые, в конечном итоге, разрушили сложившуюся равновесную систему государств, религий и отношений как в Восточной Европе в целом, так и в древнерусских землях в частности.

Официальной идеологией создававшейся Чингисханом и его преемниками империи являлось расширение владений монголов на земли всего мира без исключения – "до последнего моря". Монголы считали, что все народы уже подчинены "Великой Монгольской империи", так как именно монголам был вручен "Мандат Неба", и им необходимо только сообщить свершившимся факте и подчинить непокорных или же не осознавших это.

Данную миссию, то есть в каком-то смысле миссию "мирного подчинения", выполняли монгольские посольства, направленные во многие страны Азии и Европы. Традиционно они прибывая ко дворам правителей, сообщали о появлении великого хана и требовали подчинения его власти. Каждый народ, отказывавшийся признать высший авторитет (а значит, и верховную власть над собой) великого хана и его наследников, автоматически рассматривался в ханской ставке как восставший против божественных установлений. Такие народы подлежали жестокому наказанию, которое осуществляла уже армия.

Монгольское государство, по мысли своих создателей, не являлось государством среди других государств мира, а представляло себя как

мировую империю в процессе становления [1]. В идеале весь мир целиком должен был оказаться в границах новой империи.

Всего за несколько десятков лет монголам оказались подчинены земли от Тихого океана до Черного моря, воздвиглась величайшая на тот момент мировая империя, охватившая Северный Китай, Корею, Сибирь, территорию Тангутского государства Си-Ся, Центральную и Среднюю Азию, Закавказье, Иран, Афганистан, значительную часть русских земель и Восточной Европы. Империя Чингисхана была организованной военно-государственной машиной, целиком ориентированной на завоевание и контроль огромных пространств, организацию ее дорожной службы, обеспечивавшей почтовое и любое сообщение на невиданных в Европе пространствах [2].

Изменения в политике, религии, международных отношениях, вызванные этими походами были колоссальными и всесторонними. Такое почти мгновенное изменение геополитической картины мира виделось современникам чем-то невозможным и фантастичным. Не только Запад, но и Восток видел в этом продвижении предвестие еще более страшных перемен, фактически начало конца света. На этом сошлись даже вечные оппоненты – христиане и мусульмане.

Монголы достаточно быстро выпали из эсхатологического сценария, но от этого реальность их угрозы теперь уже как одного из самых активных факторов во внешней политике не уменьшилась. Весь Западный и Восточный мир стремился всеми возможными путями если не устранить, то хотя бы ослабить угрозу нового, как всем казалось неизбежного нашествия.

Сама Монгольская империя как реальное государство просуществовала очень недолго – с 1206 г. и до фактически 1260-х гг., то есть чуть более полувека прошло со времени признания Темджина Чингисханом и до начала распада его империи на отдельные улусы с самостоятельной политикой и государственной системой. Но за это время она стала центром притяжения всех сил. Именно она во многом определила лицо нового "послемонгольского" мира. Завоеванные и подчиненные страны, в том числе и русские земли, включались в империю и вынуждены были жить в рамках непривычной системы, приобретая новый статус, права и обязанности по отношению к "народу неведомому".

По росписи монгольских чинов получалось, что русские земли в составе Еке Монгол улус по праву завоевания принадлежат частично улусу Джучи во главе с его правителем Бату-ханом – Поволжье и Южная Русь. Северо-Восточная Русь, как завоеванная общемонгольским войском, официально принадлежала к землям великого хана и подлежала разделу между Бату и другими представителями Чингисидов.

Завоеванная территория Руси воспринималась Джучидами как единый "русский улус" и, в то же время, как совокупность княжеств-улусов Монгольской империи [3].

Но никаких принципиальных изменений в положении самих древнеусских земель не произошло. По наблюдениям ряда исследователей, оседлые племена Средней Азии и Восточной Европы, включенные в состав Золотой Орды, рассматривались монгольскими ханами прежде всего как объект экономической эксплуатации, поэтому их социально-экономическая организация интересовала монголов только в плане обеспечения регулярного и бесперебойного поступления дани. И если местная знать принимала эти условия, то какой-либо коренной ломки традиционной для данной местности социально-экономической структуры, как правило, не происходило [4].

По мнению некоторых исследователей, Русь осталась не оккупированной, так как мало что могла предложить монголам. Большая часть ее территории не относилась к степи и через нее не проходили торговые пути. Торговля здесь хотя и была очень важна для самой России, приносила сравнительно меньше прибыли, чем караванные пути, проходившие южнее и восточнее Сарая. Монгольская дань должна была ло-

житься тяжелой ношей на экономику Руси, но для монголов эти доходы были незначительными рядом с богатствами, текущими из Хорезма, Волжской Булгарии, Крыма и Азербайджана [5].

Русские земли не были поделены между всеми Чингисидами и никогда не стали полноценной имперской территорией. Причин было несколько. Русь являлась компактной оседлой территорией, в то время как завоеватели во многом оставались кочевниками, а потому лесные земли Руси не представляли интереса для Степи в виде хозяйственных угодий – пастбищ для скота. Русские земли оказались самой западной окраиной империи, достаточно слабо связанной с ее основными владениями. Русь была слишком удалена от имперского центра. Даже специальные курьеры имперской почты преодолевали расстояние от Каракорума до Владимира примерно за два месяца [6], а обозам и караванам требовалось идти от Монголии до берегов Волги (то есть все же меньшее расстояние) примерно шесть месяцев [7]. Бату-хан, владетель Южной Руси, одновременно являлся и правителем левого (западного) крыла Еке Монгол улуса и официальным соправителем великого хана в западной части его владений [8]. Теоретически его власть не достигала масштабов власти хана, но Бату-хан своей властью и авторитетом сумел отстоять принадлежность русских земель к дому Джучи.

Во времена правительства Бату империя могла позволить себе провести перепись населения на Руси (как и по всей империи), могла требовать (и до определенного момента получать) отчисления с русских даней, но уже и не попыталась оспорить права Джучидов и разделить дань (о землях и их разделе, в конечном счете, разговор даже и не заходил) между всеми Чингисидами.

Официально с 1243 г. исследователи говорят о начале "ига" на Руси [9].

Золотая Орда ни великим ханом, ни Бату-ханом не рассматривалась в то время как самостоятельное государство, но только как часть единой Монгольской державы, закреплённая во владение за потомками Джучи.

Ни Бату, ни сын его Сартак, ни брат Берке не помышляли о полном отделении от Еке Монгол улуса. Другое дело, что они и сами не давали Срединному улусу вмешиваться во все джучидские дела, сохраняя достаточно большую самостоятельность в составе созданной империи. В

целом же, хан обладал властью над империей и общеимперской политикой, на местах же дела решались правителями улусов. Положение самой Руси в этой системе самым способом включения и происхождением ее правителей было крайне незначительным.

С самого начала завоевательных походов на Запад Русь и русские земли в числе других народов рассматривались монголами как объект покорения.

Следует заметить, что завоевание русских княжеств не рассматривалось и самими монголами и восточными авторами, описавшими их походы как нечто катастрофическое или даже сверхординарное событие. Здесь почти нет подвигов и великих, достойных детального описания побед. Главными и постоянными характеристиками для русов в этом завоевании стали их многочисленность и их непокорность. Восточные авторы постоянно подчеркивают то, что монгольские воины действуют в меньшинстве и одерживают победы не за счет численности, но за счет лучшего вооружения, боевых качеств и везения своих вождей. О каких-то великих подвигах и тяготах похода или о каком-то слишком упорном сопротивлении русских фактически и не упоминается. Поход видится восточным авторам большим грабительским набегом кочевников на оседлые территории.

В этом походе монголов не интересовала религиозность русских. Религиозный фактор, столь значимый для Средних веков, отступал на второй план перед фактором политическим. Монголы в рамках мировой империи стремились создать новую общность, основанную не на религиозном, а исключительно на геополитическом факторе. То есть понимание "я – христианин", "я – мусульманин" или "я – иудей" должно было отойти на второй план перед пониманием "я – подданный мировой империи".

Во имя стратегических соображений – не вступать в религиозные распри – и во имя грядущего объединения монголы могли себе позволить поддержку проповеди любой религии в своих границах, освобождали священнослужителей от налогов, "относились к церкви даже с большим почетом, чем сами русские" [10], симпатизировали на уровне ханов той или иной религии, близкой большей части населения конкретного улуса, основывали в своих городах православные епархии. Еке Монгол улус был выше какой-то определенной веры, кроме мон-

гольской. И никакой бог не мог сравниться с силой "Великого Неба" пока его приверженцы терпели поражение за поражением от несокрушимой монгольской конницы, и пока сама идея мировой империи была жива и не переродилась в идею государства со строго определенной территорией, политикой и, само собой, религией, монголы даже не рассматривали всерьез варианта принятия какой-то мировой религии и ситуации "выбора веры".

Что же касается русских, то Древняя Русь, как часть общеевропейского мира, чем дальше, тем больше переставала существовать. Русские земли включались в новую имперскую систему, реальное действие которой сказывалось до конца XIV века, а влияние гораздо дольше. Русские для современников перестают существовать как самостоятельное политическое образование, способное проводить независимую и четкую внешнюю, а подчас и внутреннюю политику.

Правда, нужно упомянуть, что такое положение "окраинной территории" в составе Еке Монгол улуса и даже в составе улуса Джучи не было уникальным – ситуация Руси была скорее закономерной.

Русские земли оказались вовлечены в систему имперских отношений в качестве "младшего союзника" или же подчиненного уже в европейском походе 1241 – 1242 гг., когда в составе ордынских войск действовали русские вспомогательные контингенты [11].

Но при этом нужно отметить и тот феномен, что достаточно долго русские князья, даже из тех земель, которые были непосредственно затронуты нашествием, не воспринимали себя в качестве подданных.

В православной концепции мироздания не нашлось места для обоснования подчинения славян "нехристям" – монголам. Признавался факт военного поражения, но отрицалось завоевание и включение русских княжеств в состав Монгольской империи [12].

Есть даже несколько парадоксальное мнение, что первые двадцать лет Русь вообще не была включена в систему монгольской зависимости [13]. То есть с 1237 по 1257 гг. Русь как бы продолжала быть самостоятельной, хотя и подвергшейся очередному опустошительному набегу из Степи [14]. Получается, что не только отдельные князья как власть, но и простые русичи не видели себя в составе нового государства, а продолжали борьбу с завоевателями. Запад

монгольской державы еще не был стабилизирован даже в своих будущих коренных землях (и здесь не только "банды русских" но и действия против того же Даниила Галицкого, а также восстание в Волжской Булгарии и продолжение войны против половцев). Часть исследователей в этой ситуации говорят об установлении государственности в границах улуса Джучи, понимая под ней сложившуюся и более или менее устойчивую систему, только с начала XIV в.

Таким образом оказывается, что большая часть времени, в которое Еке Монгол улус существовал как реальное государство, – не абстрактная политическая идея. Русские земли в целом не были фактически включены, но только постепенно и принудительно входили в систему монгольского правления. Конец этого процесса, то есть сложение системы классического "ига" во многом относится уже ко времени распада "Великой Монгольской империи" и складывания нового государства – Золотой Орды, наследственного владения ханов из рода Джучи, над которыми уже не было всемонгольского хана. И действия как сторонников вхождения в новую систему (Александр Ярославич Невский), так и яростных ее противников (Даниил Романович Галицкий) действительно относятся к "периоду неопределенности", когда Русские княжества только определялись с последствиями монгольского завоевания.

Но в любом случае, какими бы ни были эти отношения, Русь теряет статус самостоятельного субъекта мировой геополитической системы и начинает рассматриваться даже современниками как часть вновь созданной монгольской системы.

Система управления на Руси не была изменена радикально – империя не распространила на ее земли деятельность своего чиновничьего аппарата, оставив в неприкосновенности местную систему управления, а через некоторое время (после неудачной попытки 1250-х гг.) и систему сбора дани. Управление осталось в руках князей из рода Рюриковичей. Имперская система надстроилась над местной, но не заменила ее.

Продолжали существовать великое Владимировское и Киевское княжения – хотя теперь за них нужно было бороться не только между собой, но и отстаивать необходимые решения в ханской ставке.

В назначении же правителей для других

княжеств, более мелких и не касающихся общерусского представительства, ханы могли оставлять вопрос на свое усмотрение [15].

Принятие тем или иным князем "владимировского" или "киевского" столов означало теперь включение его уже не в ордынскую, а в общеимперскую систему вассалитета.

Киевские и владимировские князья на правах общемонгольских феодалов ездили в Каракорум для подтверждения своего княжения. И точно так же в рамках империи поступали все вассальные и подчиненные Еке Монгол улусу (а не конкретному правителю) властители. Действия великого князя Владимировского и суд над ним мог осуществляться только в империи, но это не касалось той же Юго-Западной и Южной Руси, завоеванной Джучидами самостоятельно – Даниил Галицкий, при всем своем могуществе и реальной силе на Руси, никогда не ездил в Каракорум, решая все вопросы в ставке Бату-хана непосредственно.

В отношении этих самых "молодых" князей ханская власть обладала силой и возможностью для жесткого регулирования их действий во всех областях. Исследователи видят в князьях того времени наместников, которые и находились в полной зависимости от ханов [16].

И сами князья восприняли, и довольно быстро, хана как арбитра в решении всех своих насущных проблем.

Татары стали дополнительным фактором, обусловившим взаимоотношения в северо-восточном княжестве, и без них непростые и запутанные. Князья адекватно оценивали и использовали союз с ордынцами, необходимый, но временный [17].

Джучиды, как правители большей части Руси, проводили политику сохранения автономии и сбора дани.

Все эти изменения были достаточно непривычны и сильно принижали авторитет правителей Руси, привыкших быть независимыми государями. Но на тот момент Русь, в военном и политическом смысле раздираемая постоянными феодальными войнами и испытывавшая все увеличивающееся давление католического Запада, ничего не могла противопоставить складывающемуся порядку. Древнерусские земли из полноценного субъекта мировой геополитической системы все больше становятся частью монгольской общности с достаточно незначительным, к какой бы точке зрения мы ни скло-

нялись, местом в общеимперской политике. "Центр власти" для Руси сместился на Восток, за пределы собственно русских земель. И в отличие от "византийского круга народов", куда Русь тоже традиционно входила, новый центр требовал не формального, а реального подчинения себе. Интересы же самих русских земель учитывались на уровне конкретных правителей и земель достаточно эпизодически. Русским землям была сохранена автономия, но, в конечном итоге, она выразилась в том, что местные князья были "встроены" в имперскую, а затем золотоордынскую систему правителей и чиновников. Власть Рюриковичей сохранялась над традиционными их территориями, но даже в своей внутренней политике им теперь приходилось действовать, ориентируясь не только на свои, но и на монгольские интересы, не говоря уже о внешней политике, где подчинение в тех областях, которые были важны или хотя бы значимы для монголов, было практически полным. Успехов достигла только православная церковь. В отличие от светской власти она оказалась в достаточно выгодных условиях, будучи освобождена от налогов и получив право проповеди и распространения в "коренных" золотоордынских землях. Православие распространило свое влияние, за счет Сарайской епархии, на Поволжье. Русская церковь в Орде стремилась противопоставить свою проповедь католической, также пытавшейся укрепиться в монгольских землях, но не добившаяся таких значительных успехов [18].

Русские земли, даже сохранив православное вероисповедание, вышли из этих изменений уже другими. Они все больше отдалялись от Запада, становясь для большинства современников частью монгольской системы, потеряв самостоятельную государственность и превращаясь в подданных империи и рабов монгольского хана. В глазах Запада они переставали быть частью христианского мира, в глазах же Востока они продолжали оставаться "неверными", то есть "не

мусульманами", для правителей-монголов же – просто одним из окраинных подчиненных народов-данников в составе державы без каких-то значительных преимуществ и особых недостатков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. – Тверь – Леан: 2000. – С. 109.
2. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. – М.: 2003. – С. 108.
3. *Трепавлов В. В.* Восточные элементы российской государственности // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. — Ч. 1. – 1993. – С. 45.
4. *Иванов В. А. Яминов А. Ф.* История Золотой орды. – Стерлитамак: 1999. – С. 29.
5. *Halperin C. J.* Russia and the Golden Horde. – Bloomington: 1987. – P. 30
6. *Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. – №2. – 1997. – С. 49.
7. Там же. – С. 57.
8. *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи. – М.: 1993. – С. 82
9. *Похлебкин В. В.* Татары и Русь. – М.: 2000; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. – М. – Л.: 1940 и многие др.
10. *Широкоград А. Б.* Русь и Орда. – М.: 2004. – С. 80
11. *Почекаев Р. Ю.* Батый, хан, который не был ханом. – М.: Евразия, 2006. – С. 138.
12. *Крадин Н. Н. Скрынникова Т. Д.* Империя Чингисхана. – М.: 2006. – С. 477.
13. Россия и степной мир Евразии: Очерки / Под ред. Ю. В. Кривошеева. – СПб.: 2006. – С. 157.
14. *Гумилев Л. Н.* Происхождение событий // Арабские истории кн. 1., Русский взгляд. – М.; 1994. – С. 18
15. *Машанова Л. В.* Россия и кочевой мир Евразии: контакты, взаимовлияния. – М.: 1998. – С. 41.
16. *Нефедов С. А.* Влияние монгольского завоевания на развитие российских государственных институтов. / С. А. Нефедов // Российская государственность: уровни власти. – Ижевск: 2001. – С. 55.
17. Россия и степной мир Евразии: Очерки / Под ред. Ю. В. Кривошеева. – СПб.: 2006. – С. 179.
18. *Кривошеев Ю. В. Соколов Р. А.* Русская церковь и ордынские власти (II половина XIII – I четверть XIV вв.) // Тюркологический сборник, I, 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М.: 2002. – С. 163

THE PLACE OF THE OLD RUSSIAN LANDS IN THE GEOPOLITIC SYSTEM OF XIII – XIV CENTURIES IN THE WORKS OF EASTERN AUTHORS

© 2008 A.S.Foguel

Samara State University of Economics

The article examines political and ideological relationships of the old Russian lands and the Mongol Empire of XIII – XIV centuries according to the information of Arab and Persian authors.